

Великий русский драматург

АЛЕКСАНДР Николаевич Островский был подлинным создателем русского реалистического драматического репертуара. Разбирая одну из исторических драм Нестора Кукольника, Белинский указывал, что «репертуар русской сцены необыкновенно беден. Причина очевидна: у нас нет драматической литературы». Русским драматургам еще предстояло создать массовый репертуар, написать пьесы, насыщенные острым вниманием к современной русской жизни.

Таким драматургом, углубившим идейно-художественные принципы своих учителей, и был Островский, автор сорока восьми пьес, быстро ставших основой реалистического репертуара русской сцены. В течение сорока лет работал он для родного театра. В числе написанных Островским пьес мы находим и правописательные сцены из жизни, и несколько драм (с «Грозой» и «Бесприданницей» во главе), и цикл исторических хроник, в большей своей части посвященный народным движениям XVIII века («Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Воевода»). Однако в центре творческого внимания Островского постоянно находилась комедия. Этому сатирическому жанру он отдал большую часть своих сил.

Подобно всем лучшим представителям русского реализма Островский в своих пьесах создал исключительно широкую картину русской действительности. С необычайной яркостью нарисовал драматург образы различных представителей дворянства. Уже в ранний период своей деятельности Островский правдиво изобразил патриархальное русское купечество — невежественных самодуров, бесконтрольно вершивших суд и расправу над домашними. Среда, показанная Гоголем в «Женитьбе» и «Ревизоре», предстала здесь во всем колорите своего бытового уклада. Вслед за Большовыми, Торцовыми, Дикими и Кабанихами Островский обратился к изображению буржуазии нового типа — тех дельцов, которых создала пресловутая реформа. Это — Васильков, Беркутов, Кнуров — опасные хищники и стяжатели. Ни один русский драматург не изображал с такой полнотой и отчетливостью среду мелкого мещанства (трилогия о Бальзаминове), продажное чиновничество и провинциальную администрацию («Доходное место», «Горячее сердце»). Наконец Островскому принадлежит и галерея образов, характеризующих представителей трудовой интеллигенции. В числе их — провинциальные трагические актеры Несчастливцев и Кручинина, неудачливый чиновник Жалов, студент Мелузов и многие другие.

С неподражаемым мастерством изображал Островский народные сцены. Он показал в них, что русский народ был жертвой произвола господствующих классов Московской Руси («Воевода») и что он вместе с тем являлся единственно главной патриотической силой, в конце-концов спасающей Русское государство. Именно таков народ, руководимый Мининым в исторической хронике Островского о великом русском патриоте.

Начав свою литературную деятельность с комедии «Свой люди — сочтемся», написанной в обличительной манере Гоголя и «натуральной школы», Островский вслед за этим подпал под некоторое влияние славянофилов. Возникшая у него идеализация быта патриархального купечества была, однако, непродолжительной. С началом общественного подъема 60-х годов Островский встал на путь резкой критики действительности («Доходное место» и особенно «Гроза»). Революционные демократы приветствовали появление подобных пьес драматурга. Добролюбов указывал, что «современные стремления русской жизни в самых обширных размерах находят свое выражение в Островском и как в комике с отрицательной стороны. Рисуя нам в яркой

картине ложные отношения со всеми их последствиями, он через то самое служит отголоском стремлений, требующих лучшего устройства». Глубоко положительная оценка творчества Островского Добролюбовым свидетельствует о том, как близок был автор «Грозы» к самому передовому движению своей эпохи. Правда, сам драматург не был настроен

«изумительных по своей чистоте и благородству».

Громадна роль Островского в развитии русской драматургии. Он следовал за Фонвизиним, Грибоедовым и Гоголем в их стремлении в художественных образах раскрыть народную «чистоту представлений» о жизни, правдиво и вместе с тем сочувственно отобразить трудового рус-

ризует всесторонне и объективно (так им очерчен, например, Юсов в «Доходном месте»).

«Мы, — говорил Островский одной писательнице, — считаем первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, то есть языка и даже склада речи». Тонкость воссоздания Островским речи своих героев — исключительна. Не только каждый представитель того или иного общественного слоя говорит характерным для него языком («самодуры», «дворянские искатели невест», «свахи»), но и каждый из них пользуется своим, ему одному свойственным складом речи. Такова, например, Анфуса Тихоновна в «Волках и овцах», которой отпущено всего две фразы — «что уж» и «где уж», произносимых, однако, со множеством самых разнообразных интонаций. Русская речь в устах персонажей Островского отличается необычайной гибкостью, выразительностью и близостью к разговорной. Множество выражений Островского сделалось «крылатыми».

Критики Островского долгое время утверждали, что его тематика ограничена сферой чисто-русской действительности, якобы отсталой по сравнению с жизнью так называемых «передовых» стран Запада. Такое мнение неверно и основано на полном непонимании значения Островского. Создатель национального русского репертуара, Островский в то же время является виднейшим мастером мировой комедии XIX века. Ни одна из зарубежных стран в эту пору не выдвинула комедиографа, который хотя бы отчасти мог сравниться с Островским. Расцвет европейской комедии произошел задолго до буржуазной революции XVIII столетия; с тех пор она претерпевает упадок своего идейно-художественного уровня. Островский сурово критиковал деградирующий буржуазный театр Запада, его безыдейность и художественную пустоту. Он заявил на обеде в честь знаменитого русского актера Мартынова, что «переводы эфемерных французских произведений не обогатят нашей сцены, что «они только удаляют артистов от действительной жизни и правды».

Эти проникновенные слова Островского в наши дни борьбы с низкопоклонством перед иностранщиной звучат особенно злободневно. Островский отрицал безыдейную драматургию, которая неизбежно «достанется на жертву спекуляции» и только раздражает «любопытство или чувственность».

Драматургия самого Островского полностью противоположна этим безыдейным пьесам. В драмах и комедиях Островского раскрылась не только русская действительность его поры. Сделавшиеся предметом его изображения жизненные конфликты продолжают характеризовать собою жизнь буржуазных демокра-

тий Европы и Америки. Картина нравственного растления, изображенная Островским в «Доходном месте», в полной мере типична и для этих «передовых» стран буржуазной культуры. И там, как в дореволюционной России, существуют три типа взяточников и казнокрадов — важные чиновники Вышневецкие, которые в деле обогащения рискуют более, нежели позволяет благоразумие, Юсовы, негодующие против «мальчишек», подбострастные Бёлогубовы, которые только еще начинают двигаться по этой лестнице незаконного использования своего служебного положения. И там, как в дореволюционной России, даровитая актриса может попасть на сцену лишь тогда, когда она продает себя влиятельному меценату, и в этом смысле история Негиной в «Талантах и поклонниках» продолжает оставаться как нельзя более типичной для буржуазного Запада. «Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? И полное обезличение навсю жизнь? Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления». Так предлагает крупный делец Кнуров бесприданнице Ларисе пойти к нему на содержание. Это предельное по своему цинизму предложение характерно, разумеется, не для одних русских буржуа, но и для тех западноевропейских и американских дельцов, которые привыкли покупать людей, нимало не считаясь с их достоинством и нагло попирая их независимость.

Островский — не бытописатель отживших явлений, но мудрый и глубокий художник, творчество которого борется с явлениями, продолжающими возмущать все передовое человечество. «Темное царство» насилие и произвола исчезло в нашей стране. Но в сознании отдельных людей еще коренятся пережитки капиталистического отношения к собственности, к труду, к семье, к женщине. Пьесы Островского активно помогают бороться с этими пережитками.

Творения Островского — глубоко народные и реалистические — оказывают благотворное влияние на развитие драматургии в странах новой западной демократии. Они учат любить народную культуру, честный труд простого человека.

Народам же, томимым под властью капитала, они наглядно показывают всю мерзость и гниль их общественного строя. И хотя массы читателей там еще не знают по-настоящему Островского — они, несомненно, оценят его по заслугам в будущем как одного из великих представителей культуры великого русского народа.

Профессор А. Цейтлин.

А. Н. Островский

революционно; однако его сближала с Чернышевским, Добролюбовым, Щедриным и Некрасовым последовательность демократических взглядов.

Изобличая хищничество, насилие и произвол, Островский в то же самое время стал на защиту жертв «темного царства». Его сочувствие безраздельно отдано маленьким людям, честным и независимым. Скромный часовщик-самоучка Кулигин бросает миру Диких и Кабановых обличительные слова. Провинциальный актер Несчастливцев бичует обитателей дворянских усадеб: «Вы всю жизнь толкуете о благе человечества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили?».

К любимым героям Островского принадлежат и честный Жалов, верящий в наступление того времени, когда взяточник «будет бояться суда общественного больше, чем уголовного», и студент Мелузов, для которого «просвещать и улучшать людей является нашим занятием, нашей обязанностью». В числе этих любимых героев драматурга находятся репительная Катерина, предпочитающая самоубийство рабству, и горячая Параша, в конце-концов добивающаяся свободы и счастья, и «бесприданница» Лариса, и прошедшая бесконечно тяжелый путь актриса Кручинина.

«В Катерине, — писал Добролюбов, — видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный «под домашней пыткой», и над бездной, в которую бросилась бедная женщина». Конечно далеко не во всех случаях протест героев Островского зашел так далеко, как в «Грозе». Однако их поступками руководят не корыстные и эгоистические мотивы. И вот почему простая русская девушка Дуня, которую бросил чиновник Беневоленский, говорит ему об его невесте: «Ты смотри, не забудь чужого веку даром. Грех тебе будет... Это ведь не со мной: жили, жили да и был таков». Добролюбов справедливо нашел здесь выражение чувств,

скового человека. Однако, следуя за своими великими предшественниками и учителями в отношении общих принципов народности и реализма, Островский сохраняет самостоятельность. В отличие, например, от Гоголя, который придавал сложность интриге («Женитьба», недаром, конечно, названа «совершенно невероятным происшествием»), Островский всемерно упрощает действие своих пьес. Центр тяжести их сюжетов заключен не в событиях, а в правдивом показе социальных обстоятельств, в изображении устоявшегося десятилетиями быта различных слоев тогдашнего общества. Именно на этом фоне и изображаются Островским его персонажи, которых он характе-